

нымъ ароматомъ возносится молитвенное пѣніе, а рядомъ съ этимъ разыгрывается пошлый фарсъ, и слухъ нашъ оскорбляется гнуснымъ сквернословіемъ... Подумайте только, какимъ животнымъ надо быть, чтобы съ чувствомъ, со слезами въ голосъ говорить подобныя мерзости.

„...Риторически отбивая каждое слово, онъ продолжалъ:

„— Сегодня было зарыто тѣло человека, о которомъ двухъ мѣсяцевъ существовать не можетъ: и въ, и и, и штыль, и десятый, все очень хорошо знаютъ, что этотъ господинъ былъ казнокрадъ, убійца, ростовщикъ, палачъ, продавецъ... Что онъ былъ казнокрадъ и вилочникъ, этого вы отрицать не будете... Но онъ былъ и убійца. Онъ убилъ свою первую жену, Наталью Семеновну. Пятнадцать лѣтъ онъ ее тиранилъ, держалъ въ четырехъ стѣнахъ... Окопательно истиранилъ и даже къ умирающей праца не позволялъ.

„— Экое животное! воскликнулъ Александръ Ивановичъ. — А что у него съ сыномъ-то вышло?

„— Что же слыш? Насидѣлся онъ на материнскія страданія, намучился; а тутъ новая мамина обьявилась, родитель требуетъ почтенія къ маминѣ, а какое можетъ быть почтеніе, когда онъ видитъ, какъ подлѣ чел торчитъ какой-то кузень.. Та, дура, тоже надумала тону задать, стала предънимать требованія на какое-то уваженіе; парень не вытерпѣлъ, навакнулъ ей что-то не по шерсти, а въ результатѣ—изгнание изъ родительскаго дома съ содержаніемъ въ сорокъ рублей... Къ нему прибѣжала родственница какая-то, двоюродная или троюродная сестра... тоже жертва...

„— Чья? спросилъ Григорій Павловичъ.

„— А все этого же благороднаго господина, который, по словамъ оратора Васьки, свершилъ все, что нужно человеку для спасенія души... Онъ, изволите видѣть, подъ видомъ благочестія взялъ у нея какія-то деньги—ки съ обманомъ выдалъ проценты. Но та, по доверчивости и не-

опытности, документа никакого не взяла, явилась къ Васькѣ, а онъ: „знать не знаю“...

„— А криворотый его фактотумъ, Иванъ Ивановичъ? Служилъ у него этотъ криворотый и проворовался, надѣлалъ подлоговъ какихъ-то; спасенія ему не было никакого; но добрый начальникъ взглянулъ на это дѣло инымъ окомъ: онъ сообразилъ, что осужденіе криворотого по законамъ не будетъ особеннымъ торжествомъ Фемиды, и что этотъ фруктъ можно будетъ не безъ успѣха эксплуатировать въ свою пользу. Онъ такъ и сдѣлалъ: до суда не довелъ, велѣлъ криворотому выйти въ отставку и напелъ ему какое-то мѣстипко. Вещественныя доказательства содѣяннаго Криворотымъ остались у него въ рукахъ, такъ онъ и припустилъ его къ своимъ милымъ продѣлкамъ и притался за его спиной. Чуть только попробуетъ Криворотый что-нибудь возразить, онъ ему сейчасъ: „а въ Сибирь хочешь?“ Такимъ манеромъ онъ его лѣтъ семь маялъ, и когда эту золотосную жилу исчерпалъ, великодушно предалъ всѣ обличительные документы сожженію“...

Вотъ краткое сказаніе о жизни и подвигахъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Сопоставьте теперь это сказаніе съ намогильною рѣчью и разсудите, какое отношеніе къ „почившему“ правдивѣе. Поневолѣ спросишь, вѣстѣ съ авторомъ: Эти рѣчи, которые сдѣлались теперь столь необходимою приправой ко всякимъ смертямъ и умираніямъ,—не суть ли онъ, въ самомъ дѣлѣ, лишь „водевиль“ и притомъ часто совсѣмъ неприличный?...

II.

Мерзавецъ самъ изъ жизни ушелъ, но послѣдствія своихъ мерзостей повсюду оставилъ. И вотъ говорятъ: или хорошо, или ничего. Почему же, однако, ничего? Гдѣ справедливость?

Мертвый,—говорятъ,— не можетъ отъ клеветы защититься. Такъ. Но возьмемъ сравненіе. Допустимъ, что покойникъ надѣлалъ долговъ и нада-

валъ росписокъ. Станете вы, послѣ его смерти, ихъ предъявлять и по нимъ взыскивать? Конечно.

Но вѣдь покойникъ и въ данномъ случаѣ „не можетъ защищаться“: еслибъ онъ былъ живъ, быть-можетъ, онъ сталъ бы оспаривать законность этихъ документовъ? Говорятъ: можетъ-быть...; но это насъ нисколько не удерживаетъ, разъ мы сознаемъ свою правоту.

Такъ и въ отношеніи къ нравственной оцѣнкѣ. Почему, въ самомъ дѣлѣ, допуская законность взысканія съ покойника долговъ денежныхъ, считать не позволительнымъ взысканіе долговъ, такъ-сказать, нравственныхъ? Почему, считая позволительнымъ говорить о долгахъ денежныхъ, заставляютъ молчать о долгахъ нравственныхъ?

Непослѣдовательность очевидная. Впрочемъ, непослѣдовательность эта больше на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ, ибо на дѣлѣ нравственные недоимки съ покойниковъ отлично взыскиваются. Взять хотя бы тѣхъ же Римлянъ, которые измыслили этотъ знаменитый афоризмъ: *de mortuis* и т. д. Развѣ они не писали своихъ, жестокихъ по своей правдивости, *хроникъ*, въ которыхъ всецѣло воздавали покойнымъ должное? Да и вообще, развѣ была бы мыслима *исторія*, еслибъ этотъ афоризмъ имѣлъ надъ умами непреложную власть?

Такъ аргументируетъ у нашего автора его резонеръ, Василій Сократовичъ.

Къ сожалѣнію,—продолжаетъ онъ,— эти хроники касаются лишь людей болѣе или менѣе выдающихся, чѣмъ-нибудь замѣчательныхъ. Остальные же преспокойно укрываются отъ своей нравственной Немезиды за этимъ всепронзающимъ афоризмомъ: *de mortuis* и т. д. И вотъ почему, между прочимъ, съ движеніемъ исторіи порокъ становится все нахальнѣе, все, такъ-сказать, виртуознѣе.

„— Мы видимъ, что люди стараются усовершенствовать себя во всевозможныхъ продѣлкахъ. Скажите вы

мнѣ, добрые люди, почему же это человѣческая совѣсть, непрерывно очищаемая свѣтомъ прогресса, упорнѣйшимъ образомъ лѣзетъ во мракъ, въ грязь, въ тину самооскверненія? Гдѣ причина?

„— А причина въ томъ,—продолжаетъ Василій Сократовичъ,—что каждая каналья, каждый проходимецъ думаетъ только о томъ, какъ бы ему прожить день, какъ бы его кто-нибудь не поймалъ и не ославилъ мерзавцемъ. Въ былое время все-таки было религиозное настроеніе, сдерживалъ страхъ ответственности въ будущей жизни. Теперь это все утратилось. Теперешній дѣятель ничего не боится, кромѣ столкновенія съ Немезидой. Удалось ему избѣжать этого столкновенія,—онъ счастливъ и переходитъ въ небытіе съ такимъ разсужденіемъ: „пожилъ и въ свое удовольствіе, съ совѣстью своею не церемонился, кого было можно надулъ, обобралъ, памсрилъ и могу околѣть не безъ достоинства; пусть перемываютъ мои кости, пусть ругаютъ и кланутъ, ничего я этого не услышу, не почувствую, какъ не почувствую и того, какъ мою многогрѣшную плоть будутъ точить черви. Да и долго ли эта ругань будетъ продолжаться? Не два вѣка проживутъ и потерпѣвшіе отъ меня, и свидѣтели моихъ дѣйствій; поругаютъ-поругаютъ, да, глядишь, и сами въ свое время отойдутъ въ вѣчность, а такъ какъ я человекъ дюжинный, заурядный, то безпристрастная Кліо не начертаетъ моего имени на своихъ страшицахъ, а родные мои и присные воздвигнутъ надъ моимъ прахомъ сильный мавзолей и пропишутъ на немъ титулы мои, съ присовокупленіемъ всѣхъ похвальныхъ отзывомъ: тутъ будетъ и „добрый отецъ“, и „примѣрный супругъ“, и „любитель ближняго“, и „безкорыстный слуга отечества“... Стоить походить по нашимъ некрополямъ да почитать надписи на памятникахъ, вѣдь съ ума можно сойти отъ несмѣтнаго скопища лжи. Что ни тѣло, то праведникъ! Ни одного подлеца нѣтъ. Куда же они всѣ дѣвались, вы мнѣ скажите?